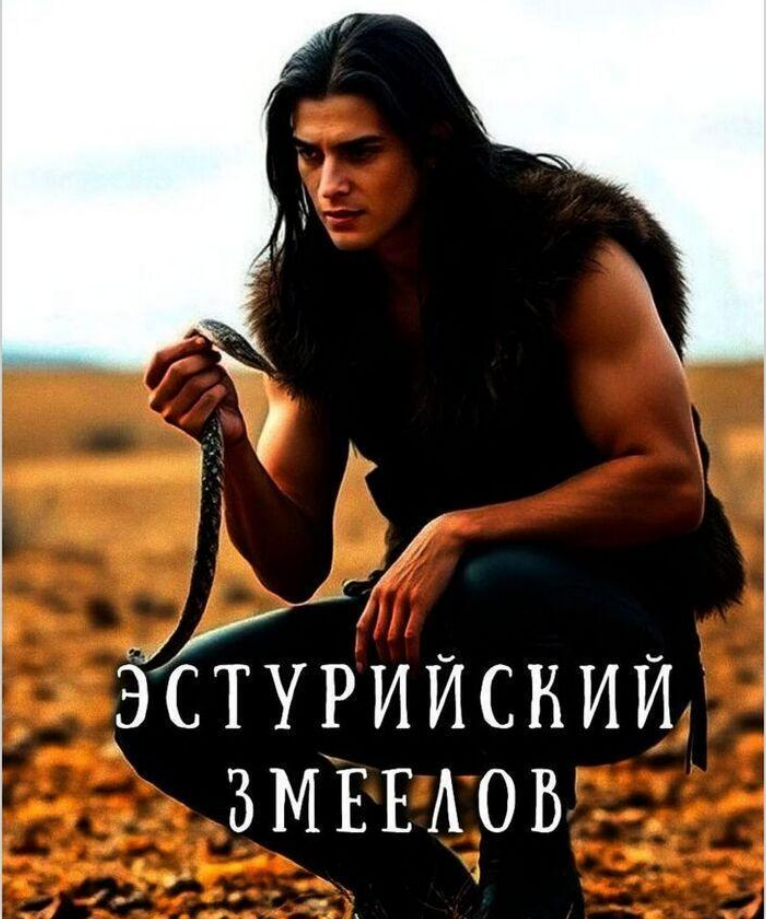

18+ ПОЛЬ МОНТЕР

ЭСТУРИЙСКИЙ
ЗМЕЕЛОВ

Поль Монтер

Эстурийский змеелов

<https://litres.ru/74275103>

ISBN 9785007056915

Аннотация

В степи всё идёт по кругу: рождение, жизнь, смерть. Восход сменяет восход, буря — бурю. Элону это нравилось: ловить змей, возвращаться домой, ни о чём не жалеть. Так было долго. Почти всегда. Кроме одного дня, который он запомнил навсегда. С того дня он перестал быть просто змееловом.

Содержание

Пролог	5
— 1 —	8
— 2 —	13
— 3 —	17
— 4 —	23
— 5 —	29
— 6 —	41
— 7 —	48
— 8 —	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Эстурийский змеелов

Поль Монтер

Дизайнер обложки Людмила Яхина

© Поль Монтер, 2026

© Людмила Яхина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-5691-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Если бы кто-нибудь посмотрел на Эстурию с высоты птичьего полёта, то увидел бы страну, окружённую горной грядой в форме подковы. Она брала своё начало в степи и, заключив в каменные объятия селения и города, в степь и возвращалась. И только малая часть степи, свободная от скал, упиралась в пустыню. Безжизненное серо-жёлтое пространство уходило до самого горизонта, и в Эстурии никого не интересовало, заканчивается ли оно где-то или нет. Ещё не нашлось жителя, который решился бы проверить это. Как и то, что находится за каменной грядой. В горы периодически пытались уходить любопытные и отчаянные смельчаки, но ни один не вернулся. Жрецы убеждали, что за скалами начинается царство духов, и простому смертному туда хода нет — разве что после смерти.

Время в Эстурии измеряли не минутами и часами, которых здесь не знали, а горстями песка¹ — так примерно можно было отсчитать короткий промежуток, за который умирала надежда или рождалась любовь. Дни считали восходами — от одного появления солнца до другого. А годы — пыльными бурями, которые пустыня приносила ровно раз в году. И жители, упоминая какое-либо событие, так и говори-

¹ Приблизительно 3—5 минут

ли: «Это случилось пять бурь назад» или «Он пришёл через три восхода».

Эстурийцы знали всего два времени года: зиму и лето. Весна просто была началом лета, а осень — его окончанием. Жители никогда не видели снега, и дождь был крайне редким гостем.

Своих умерших эстурийцы не хоронили в земле. Ведь под землёй обитают злые нижние духи. Тело заворачивали в ткань или шкуру и сжигали. Прах уносил ветер, и, следовательно, усопший сразу попадал к верхним духам, которые считались добрыми.

Южная часть страны была крайне скудной на любую зелень. Утварь в основном делали из глины. Но зато горная гряда была щедра на красивый розовый камень, из которого строили дома для богачей. Одна из гор давала металл красновато-рыжего цвета. И хотя он был не слишком твёрдым, утварь и мечи из него вполне годились.

К северу природа становилась щедрее. В Новом городе, где жила знать и сам правитель Эстурии, выращивали ири. Разводили коз, плодовые деревья, сажали овощи. На севере ограничивались жёсткими кустиками саула² и тощими стеблями дикого лука. Из стеблей саула делали грубую ткань бурого цвета, из перебродившего сока — вино. Сухими кустиками кормились зуры — неприхотливый крупный скот с короткими тупыми рогами. Из шкур делали одежду или заго-

² Степное растение с плотными стеблями и листьями.

раживали вход в жилище. Дверей в глиняных лачугах никогда не было.

Эстурийцы искренне ненавидели гиен, считавшихся символом подлости. Боялись змей, приписывая им связь с нижними духами. В бедных селениях охотились на эрликов — юрких пушных зверьков, при малейшей опасности исчезающих в норах. В жаркие дни томились от назойливых мух, круживших над лачугами и ямами для нечистот.

Жители владели простыми ремёслами: ткачи, скорняки, кузнецы и горшечники. В Старом городе были базарные ряды, трактиры и лавки. Из года в год бедняки становились беднее, богатые люди — богаче. Бедняков душили непомерными налогами, законами в пользу богачей, унижали и вообще не считали за людей. И жизнь их ничего не стоила. Но бедняки не роптали, опасаясь, что может стать ещё хуже. И несли в храмы последнее в надежде, что верхние духи избавят их от всех невзгод.

Мелкие камешки покалывали колено. Элон замер, тело напряглось. Приближение змеи он чувствовал всей кожей. Миг — и раздвоенная вилкой, побелевшая от времени кость вонзилась в землю, пригвоздив змею к пожухлой траве. Элон ловко ухватил свою добычу за шею, возле треугольной, злобной головки, и поднес к лицу.

— Ты красавица, — шепнул он, глядя в глаза рептилии. Змея шипела, кольца туго обвилились вокруг его мускулистой руки. Смертоносная пасть безуспешно пыталась дотянуться до врага. Элон опустил змею в корзину и завязал тесемки на крышке. Он поднял корзину и связку тушек эрликов, двинулся к дому. Его лачуга ничем не отличалась от соседских. Постройка из глины, смешанной с травой. Без окон, с круглой крышей. Вход прикрывала полинявшая, выдубленная временем шкура зура. Посреди жилища — сложенный из камней очаг. Дым от него выходил в узкое, толщиной с кулак, отверстие в крыше. Пахло сырыми шкурами и варевом, которое готовила мать, сидя перед очагом на коленях. Высокая, с чёрными волосами, заплетёнными в толстую косу. Фигурой и быстрыми, ловкими движениями она походила на девушку. Но лицо её сразу выдавало возраст: смуглое, с глубокими заломами над переносицей и по бокам упрямого рта. Как и у сына, у Майты были чётко очерченные скулы,

волевой подбородок и карие, почти чёрные глаза с густыми ресницами.

Элон бросил тушки возле очага. Мать улыбнулась, сверкнув белыми крепкими зубами.

— Отнеси еды старику.

Лачуга старого шамана Тенгора была на другой стороне селения. Змеелову предстояло пройти мимо храма и площадки под навесом, где жрец³ вдалбливал ребятишкам каноны праведной жизни. Его хартон⁴ из белой шелковистой ткани и высокий убор резко отличались от скромной, постоянно чиненой одежды селян. Стояла жара, жреца одолевала дрема и назойливые мухи, которых вяло отгонял мальчишка с потрёпанным опахалом. Завидев Элону, жрец оживился и, указывая на него пальцем, закричал:

— Посмотрите на этого несчастного! Вот кем вы станете, если не запомните важных истин и не будете знать молитвы! Смотрите лучше, дети. Вот он — приспешник нижних духов. Разве порядочный человек решится на такое ремесло? Да он тотчас умрёт от змеиного яда. А Элону, сына Карта, змеи не жалят. А почему? Потому что змеи — посланники нижних духов. И этот юноша такой же слуга духов зла, как и ползучие твари!

Элон хотел промолчать и пройти мимо, но, заметив, что у единственного в селении колодца столпились девушки и

³ Служитель культа

⁴ Сводная одежда с поясом и разрезами по бокам.

женщины, а мужчины, привлечённые громким голосом жреца, начали выходить из лачуг, усмехнулся. Все знали, что у Змеелова острый язык, и предвкушали перепалку.

— Значит, я слуга нижних духов, потому что ловлю змей?
— невозможно переспросил Элон.

— Конечно!

— А кто же ты, жрец, если носишь пояс из змеиной кожи?
Старик машинально прикоснулся к поясу, и женщины у колодца засмеялись, прикрывая ладонями рты.

— Замолчи, нечестивый! — старик подобрал полы хартона и пихнул мальчишку с опухшим носом. — Совсем заснул, сын гиены! — желание покуситься с дерзким змееловом вновь заставило жреца указать на него пальцем и воскликнуть: — Такой же бесстыжий, как твои повелители — нижние духи. Нарочно носишь узкую одежду, чтобы смущать женщин. Ишь как обтянул все срамные места!

Элон уже успел продолжить свой путь, но, услышав слова жреца, резко остановился и обернулся. В глазах его плескалась такая ярость, что старик невольно вжал голову в плечи. Выбор слишком узкой одежды, обтягивавшей мускулистое тело змеелова, был вызван его опасным ремеслом. Широкие штаны и невысокие голенища грубых сапог из воловьей кожи не могли дать достойной защиты при опасном промысле. И все, в том числе и жрец, прекрасно об этом знали. Старый Могар, который когда-то взял Элона в ученики, тоже носил одежду, плотно облегающую тело. Штаны змеелова бы-

ли сшиты из кожи молодого зура. Тонкая выделка обошлась Элону недешево, как и сапоги с высокими, доходящими почти до колен, голенищами. Вместо тканой рубашки он носил безрукавку из шкурок эрликов, заботливо выделанных матерью. Майта кропотливо сшивала маленькие кусочки, подбирая их по ворсу и цвету. И теперь несправедливая насмешка жреца вызвала у змеелова приступ бешенства. Однако лицо его осталось непроницаемым, лишь пухлые губы скривились в брезгливой усмешке.

— Ты прав, жрец, — кивнул он. — Я молод и пока могу показать всё, чем одарили меня духи. Вот когда я состарюсь, обзаведусь толстым животом и тощими ножками, я стану одеваться как ты.

Селяне оглушительно захохотали. Мужчины хлопали себя по ляжкам, закидывая головы. Женщины сгибались от смеха, повиснув друг на друге. Мальчишки, сидевшие на земле перед жрецом, и вовсе повалились на спины, дрыгая ногами и хохоча во всё горло. Лицо жреца покраснело. Посох взметнулся над учениками, ударяя нечестивцев по ногам и плечам. Пошевелив губами, старик вновь уселся в кресло, его бесило, что какой-то щенок выставил его дураком. И, глядя в спину уходящему змеелову, он злобно прошипел:

— Духи неба покарают тебя, паршивец! Ты плохо кончишь.

Выплюнув проклятье, жрец тотчас пожалел, что не смог промолчать. Не сбавляя шага, Элон обернулся и широко

улыбнулся.

— Да ладно! Спроси у городских шлюх, они уверяют, что пока что я кончаю хорошо.

Эта фраза вновь вызвала у мужчин новый взрыв хохота. А женщины, опустив глаза, пытались скрыть душивший их смех под напускной скромностью.

В лачуге шамана царили полумрак и прохлада. Аромат сухих трав перебивал запах сырой глины и старых шкур.

Старый Тенгор сидел возле очага. Он походил на вырезанных из дерева идолов, которые украшали храм. Тёмное костистое лицо сплошь покрыто мелкими морщинами, орлиный нос над бледными губами казался слишком большим и тяжёлым для узкого безбородого лица. Глаза Тенгора были подёрнуты белой пеленой. Волосы шамана, несмотря на преклонный возраст, были густыми и спускались серебристыми прядями на впалую грудь.

— Ты опять сцепился со жрецом, Элон. — Старик скрипуче рассмеялся. — Не можешь придержать свой язык? Будь настороже, мальчик. Жрец может отравить тебе жизнь.

— Да ну его, — отмахнулся змеелов, присаживаясь напротив. — Я принёс тебе поесть, Тенгор.

— Благодарю тебя и славную Майту. Твоя мать — хороший человек.

— Да, — кивнул змеелов.

— Почему ты сторонись других людей, Элон? Откуда такая страсть к одиночеству в твоём возрасте? — внезапно спросил шаман.

— Потому что хорошо знаю им цену, шаман. Ты ведь знаешь, что мой отец был каменотёсом. А я всегда был рядом с

ним. Он трудился у подножья Розовой горы. Тогда каменотёсам хорошо платили. Отец был лучшим работником. Я гордился его силой, его ловкостью. Мне было всего восемь бурь, когда я стал ходить за каменотёсами с корзиной, подбирая мелкие камни. Через две бури отец сделал для меня молот, как у взрослых. Хотя он был легче и меньше, чем у отца. И я стал работать рядом с ним. Ах, Тенгор, я ведь был счастлив тогда. Хотя руки мои дрожали от напряжения и к концу работы я буквально падал на землю и засыпал. Но мальчишкой я радовался, что постепенно тело моё становится всё сильнее и сильнее. А люди вокруг казались такими же сильными и смелыми, как отец. А когда мне минуло четырнадцать, отец погиб. Его придавило огромным камнем. Знаешь, шаман, отец умирал до захода солнца. Потому что никто не помог мне поднять камень и вытащить его. — На секунду лицо Элона скривила болезненная гримаса. — Хозяин заявил, что плату за потраченное на помощь отцу время он вычтет у каждого, кто оставит свою работу. И я, мальчишка, в одиночку, срывая ногти на пальцах, пытался сдвинуть проклятый камень, чтобы выволить отца. Когда я увидел, что он не дышит и даже струйка крови из его рта начала засыхать, я понял, что он умер и мои усилия пропали зря. Это был первый и последний раз, когда я плакал.

Змеелов помолчал, проведя рукой по лицу, словно пытается стереть горькую картину перед глазами.

— Так вот, Тенгор, люди, которые работали вместе с от-

цом, просто испугались потерять деньги, испугались прогневить хозяина. За что мне любить людей, шаман?

Лицо Тенгора было непроницаемо, незрячие глаза словно смотрели внутрь себя.

— Чем тебя так привлекают змеи, Элон?

Змеелов удивлённо взглянул на старика: он не ожидал такого вопроса после своего рассказа. Однако сложил руки на груди и, растянув губы в ухмылке, ответил:

— Тем, что до конца борются за свою жизнь, даже если силы не равны. Не то что зурь. Ведь они могут легко затоптать или пронзить рогами любого, но покорно носят ярмо, едят даже сухие колючки, если нет ничего другого, и покорно идут на бойню. Кто из них больше достоин уважения, Тенгор?

— Сколько тебе минуло, Элон?

— В зимнюю бурю будет двадцать.

— Ты совсем мальчик, змеелов, и знаешь только то, что видел. А видел ты ещё мало. Ты изучил жизнь змей, поинтересуйся жизнью волков. Они так же, как змеи, бьются за жизнь до последнего, но не только за свою. Когда идет стая, вожак всегда впереди, чтобы первым встретить опасность. За ним идут несколько бойцов. В середине держатся самки, детёныши, старики, словом слабые волки, но позади вновь идёт несколько сильных бойцов. Ты понял меня, змеелов?

Элон так внимательно слушал шамана, что презрительная гримаса исчезла с его лица; сейчас он напоминал ребенка,

услышавшего сказку.

— Если это правда, Тенгор, то волки благороднее людей. Я видел правителя, видел господ. Впереди них всегда-всегда идёт стража. И позади стража. Значит, они слабы, шаман, или трусливы?

Старик рассмеялся:

— Думаю, и то и другое. Ну, хватит об этом. Просто постарайся стать волком, а не змеей. А теперь иди, я хочу говорить с духами.

Тенгор прикрыл глаза и приложил ладони ко лбу. Змеелов взялся за полу шкуры, прикрывающую вход.

— Будь осторожен, Элон, — пробормотал старик, не открывая глаз. — Да хранят тебя духи неба.

На заходе солнца змеелов заглянул в лачугу соседа-сапожника. Авес сидел, согнув широкую спину, под факелом, отбрасывающим неровные блики на сапог, лежащий у него на коленях.

— А, это ты, садись, — улыбнулся сапожник с тёмным от загара лицом и выгоревшими на солнце волосами. Его светлые глаза казались ещё светлее по сравнению с загорелой кожей. Авес был ровесником змеелова, но отношения их вряд ли можно было считать дружбой. Элон ограничивался двумя-тремя фразами, встречая сапожника. Впрочем, он ни с кем не водил дружбы, довольствуясь обществом матери и Тенгора.

— Едешь завтра в город? — не отрываясь от работы, спросил Авес.

— Да, как раз зашёл спросить тебя об этом, — рассмеялся змеелов.

— Отлично! Подожди, закончу работу, и выпьем вина. Элон уселся на земляной пол и вздохнул привычный запах шкур с терпким ароматом смолы. Он смотрел, как Авес, напругая жилистые руки, прокалывает остро отточенным камнем дырки в подошве. Змеелов бросил взгляд на родителей сапожника. Отец, подслеповато щурясь, клеил подошвы, промазывая вырезанные следы горячей смолой. Под площ-

кой с ней лежали угли, чтобы смола не застыла раньше времени. Для мужских сапог подошву клеили из пяти слоёв, для женщин — из четырёх, для детей — из трёх. Готовую подошву старик укладывал под плоский камень, который помогал поднимать сын. Мать тянула жильную нить. Это занятие тоже требовало умения. Воловьи жилы вымачивались в жгучем соке саула несколько дней. Затем по одной их отбивали камнем, чтобы расплющить как можно тоньше, а после навешивали на грубое сооружение, состоящее из перекладины и двух подпорок, вкопанных в землю. Женщина закрепляла кончик будущей нити в высохшей и пожелтевшей бедренной кости зура и принималась скручивать нить, отходя как можно дальше, чтобы растянуть её. По лицу матери Авеса градом лился пот. Но она лишь смахивала капли рукой и вновь принималась за дело.

Плеснув в грубые глиняные плошки вина, юноши вышли из дома. Ночной ветер приятно охлаждал разгорячённую кожу. Степное небо казалось совсем чёрным. Звёзды и луну закрывали тучи.

— У тебя тяжёлое ремесло, — сказал Элон.

— Да ладно! — захохотал Авес. — По мне, лучше сидеть не разгибаясь над куском кожи, чем каждую минуту рисковать жизнью, отлавливая посланников нижних духов.

— Ты веришь в рассказы жреца? — усмехнулся змеелов.

— Конечно, — серьёзно произнёс сапожник. — А как же? Любой зверь приносит пользу человеку: мясо, шкуру, мех.

Даже птицы — ведь из перьев делают украшения. А змеи могут только убивать.

— А как же пояса из змеиной кожи и яд, из которого лекари делают притирания?

Авес пожал плечами.

— Всё равно они слуги нижних духов, — уверенно повторил он.

На рассвете селяне, собравшиеся в город, ждали возле храма. Подъехала старая скрипучая арба. На козлах сидел работник жреца Магул — сутулый, неловкий парень с пустыми глазами. Позёвывая, вышел сам жрец с блюдом, куда селяне опустили по два амана с человека — плата до города и обратно. Заметив Элона, жрец нахмурился, но промолчал, стараясь не встречаться с ним взглядом. Наконец арба тронулась, покачиваясь и издавая резкий скрип. Гончар Расмон занял своими горшками и плошками почти всё место, то и дело заглядывая под ветошь и проверяя, не побился ли его товар. Тощий, с больными глазами подручный гончара Таболт смотрел по сторонам. Повозка мерно покачивалась, и вскоре селяне задремали, уткнувшись носами в колени. Путь неблизкий, можно поспать. Змеелову не спалось, впрочем, как и несколько ночей до поездки. Молодое и сильное тело его отчаянно томилось от вынужденного воздержания. Бессонными ночами он высчитал, что не был с женщиной почти десять восходов. Авес тоже погрузился в размышления. Вчера он рассказал Элону, что собирается жениться на Лау-

не — скромной сироте, живущей при храме и исполняющей чёрную работу. Авес прикидывал, как бы выгадать денег от продажи сапог, чтобы хватило на смолу, зерна ири⁵ и на подарок Лауне. Ему хотелось купить ей голубые бусы. Именно голубые — как чистое небо и глаза девушки. Арба проезжала мимо селения скорняков, и седоки как по команде зажали носы. Резкая вонь киснувших в чанах шкур вызывала тошноту. Ещё не выделанные шкуры мокли в раздавленных стеблях саула не менее семи восходов. После их раскладывали на площадке и начинали скоблить, оставляя тонкий слой мездры, скупно поливали водой и только потом вывешивали сушиться на белых от времени и жгучего сока бруснях под навесом, тщательно оберегая от солнечных лучей.

— Знаешь, — шепнул Авес, наклонясь к Элону, — а ведь скорняки добавляют в чаны мочу. Да, мочу. Так выделка идёт быстрее. Поэтому у них так воняет.

Змеелов недоверчиво взглянул на собеседника. Хотя, может, он и прав. От селения скорняков воняло на два-три полёта стрелы. Вода, как и во всех степных, граничащих с пустыней селениях, была слишком дорога, чтобы позволить себе часто мыться и стирать одежду. Всё это несчастные могли позволить себе только изредка, когда шёл дождь. И резкая вонь, от которой резало глаза, накрепко въедалась им в кожу и волосы. В глубине души скорняки страдали от того, что окружающие кривились при их приближении, и они предпо-

⁵ В Эстурии аналог пшеницы

читали держаться особняком. Для поездок в город у них была своя повозка, и чужие арбы они окидывали равнодушным взглядом.

— Ух, — потирая нос, пробормотал Авес, — пожалуй, если выбирать, то твоё ремесло лучше, Элон.

— А как же слуги нижних духов? — рассмеялся змеелов.

— Ну-у-у, — развёл руками сапожник.

Меж тем арба двигалась дальше, минуя селения и пустоши. Самым захватывающим для седоков был вид участка возле подножья горы, тщательно огороженный камнями. За оградой с дороги ничего не было видно, но все, кроме Элона, как по команде приложили руки ко лбу и зашептали молитву верхним духам. Причиной их страха было Чёрное озеро. Толком никто не мог его описать. Редко находился смельчак, решившийся подойти к ограде ближе чем на сто шагов. Говорили, что вода в озере черна как ночь. Жрецы уверяли, что озеро есть не что иное, как ворота в царство нижних духов. Из них они пробираются на землю, чтобы вредить людям. Приблизившимся к озеру грозят такие страшные мучения, что от перечисления их стынет в жилах кровь.

Змеелов мало верил жрецам, но и он не решился бы подойти к ограде близко и взглянуть на Чёрное озеро. Конечно, жрецы — знатные вруны, но... Элон слышал от отца про некоего смельчака, что видел озеро совсем близко. Он говорил, что вода в нём совсем не похожа на воду: густая маслянистая жижа с резким запахом. И вокруг не растёт ни одного

растения, а птицы не пролетают над ним. На вопрос сына, что стало со смельчаком, каменотёс ответил, что несчастный сошёл с ума и вскоре умер. А мёртвое тело утащили нижние духи, чтобы продолжать мучать любопытного вечно. Похожую историю пересказывали в каждом селении и городе Эстурии, и желающих проверить её правдивость не находилось.

Авес вытащил из-за пазухи амулет.

— Хорошо, что я вчера помолился в храме и купил защитный камень, — сказал он, показывая амулет соседям. Все уважительно закивали.

— Ну и дурак, — пробормотал Элон. — Теперь тебе не хватит денег на что-то более нужное.

Авес насупился и, убрав амулет за пазуху, отвернулся.

Солнце уже поднялось и стало припекать, казалось, что запряжённый в арбу зур пошёл быстрее. Вдоль дороги стали появляться нищие. Они словно вырастали из-под земли и брели медленно, изредка переругиваясь хриплыми голосами. По дороге поплыл запах немытых тел и кислого дешёвого вина. Позади всех тащились калеки: одногие неловко подпрыгивали, опираясь на сучковатые палки; слепцы шли, выставив вперёд руки. Внезапно змеелов встретился взглядом с высоким человеком в накинутах капюшоне. Буквально на минуту показалось его бледное лицо с чёрной бородой, густыми бровями и пронзительным взглядом тёмных глаз. Он надвинул капюшон ещё ниже и быстро зашагал, опираясь на посох. Элон только теперь заметил, что никто из нищих даже не пытался помочь калекам и спокойно обгонял или вовсе грубо сталкивал с дороги как назойливое препятствие. Змеелов вспомнил о порядках волчьей стаи, про которые говорил шаман. Значит, он, Элон, совершенно прав: люди не достойны ни сострадания, ни уважения. Он отвернулся. Над толпой нищих витала вонь грязных лохмотьев и немытых тел, тяжёлый запах гниющих ран и испражнений. Змеелов прикрыл веки и стал представлять себе приятно волнующие картины обладания женщиной. В низу живота появилась сладкая тяжесть. Скорей бы конец проклятой дороге!

Покинув арбу, селяне тотчас разбрелись в разные стороны. Добродушный Авес не мог долго таить обиду и договорился с Элоном встретиться в полдень в кабаке на базарной площади.

Змеелов быстрым шагом направился в лавку лекаря и, не став торговаться, продал ему змей за десять медных аманов и половину золотого.

Гул базара оглушил его, но Элон знал, что спустя пару минут перестанет его замечать. Направился к жестянщику и купил железную ступку, о которой просила мать. Её каменная ступка уже крошилась от старости, и каменные крошки постоянно попадали в еду. Затем, потолкавшись среди визгливо торгующихся женщин, купил внушительный ком спутанной козьей шерсти. Мать умела прясть тонкую аккуратную нить и после вязала из неё накидки на колючие травяные тюфяки, служившие постелью.

Закинув покупки в заплечный мешок, он поспешил к узким тёмным улочкам, опутавшим весь город.

В сумеречной сырости задворков он сразу услышал тихое звяканье колокольчиков. И звук одного из них он узнал бы из десятка остальных. По двое и трое к центру города шли шлюхи. На правой ноге у каждой был тонкий медный браслет с позеленевшим от времени и пота бубенчиком — символ их позорного ремесла.

— Наиза! — крикнул змеелов.

Брюнетка с пышной грудью в хартоне с высокими, дохо-

дьящими до бёдер разрезами метнулась к нему и, поднявшись на цыпочки, повисла у него на шее. Тело Элона напряглось, он прижал женщину к себе, вдыхая лёгкий запах пота, смешанный с ароматом дешёвого притирания из листьев масуна. Наиза обернулась к подругам, что остановились и посмеивались, глядя на пару.

— Гета! — Женщина подняла раскрытую ладонь и сложила большой палец. Подруга рассмеялась и кивнула. Больше не оглядываясь, женщины скрылись в выходящем на площадь проулке.

Наиза схватила змеелова за руку и быстрым шагом направилась в тёмный двор. Захлопнув за собой дверь конюшни, она тихо рассмеялась воркующим смехом. В сумраке старого сарая пахло прелой соломой и навозом. Элон отшвырнул свой мешок в сторону и, обхватив женщину за талию, повалил на тюки сена.

— Подожди, — шепнула Наиза. Сорвав тряпку, поддерживающую её тёмные волосы, она быстро обмотала щиколотку с колокольчиком и приникла к змеелову.

От дикого желания у него темнело в глазах. Одной рукой он стянул с плеча женщины хартон, обнажив её грудь, другой торопливо отбросил в сторону ткань, прикрывающую её бёдра. Так же рывком дёрнул тесьму из жильной нитки, державшую клапан штанов, и навалился на женщину всем телом. Грудь Наизы с тёмными торчащими сосками вздрагивала от его резких толчков. Мышцы змеелова напряглись до

предела. Ему хотелось раствориться в этой податливой плоти или причинить боль себе и ей. Наиза прикрыла рот рукой, сдерживая стоны. Она тяжело дышала, и каждый раз, когда Элон приподнимался над её распластанным телом, она высоко приподнимала бёдра, словно стремясь приникнуть к его телу ещё сильнее. Змеелов поймал губами её сосок, провёл языком и слегка сжал зубами. Женщина выгнулась и протяжно застонала, бессильно уронив руки. Змеелов задвигался быстрее и наконец глухо вскрикнул и, приподнявшись на руках, закинул голову. Он прикрыл глаза, ловя каждую секунду сладостно пульсирующего естества.

Пара полулежала на тюках, разомкнув объятия и стараясь выровнять дыхание. Потную кожу охлаждал лёгкий ветерок.

— Я скучала по тебе, змеелов. Почему ты так долго не приходил? — Приподнявшись на локте, женщина жадно рассматривала его лицо с тонким прямым носом, резко очерченными скулами и пухлыми губами.

— Слишком далеко добираться, — усмехнулся Элон. — Отчего бы тебе не уехать в селение?

— Ха! Что мне там делать? Терпеть насмешки мальчишек и брезгливые лица женщин? И потом... Ты ведь не женишься на мне, змеелов.

— Не женюсь, — откровенно бросил Элон. — Ни на тебе, ни на какой-нибудь другой женщине. Я вообще не хочу жениться, Наиза.

— Ты не хочешь семью?

— Моя семья — это моя мать, этого вполне достаточно.

— Но ведь она станет старой и умрёт, тогда ты останешься один.

— Ну, значит, останусь один. — Элон начал поглаживать женщину по бедру, чувствуя, как им вновь овладевает желание. Большие карие глаза Наизы, подведённые углём, стали томными, губы приоткрылись. И она, перекинув ногу, оседлала змеелова. И вновь безудержная страсть охватила их обоих. Элон держал женщину за бёдра, вынуждая двигаться в удобном для себя ритме. Наиза вцепилась ему в плечи, выгнулась назад. Волосы её разметались, и когда она склонялась к змеелову, они падали ему на лицо, щекотали шею. Женщина закусил губу и тихо постанывала, двигая бёдрами из стороны в сторону, словно исполняя танец похоти. Широко открытыми глазами он смотрел на её подрагивающую тяжёлую грудь, на капельки пота, выступившие над верхней губой. От толчков тюки сена разъехали в стороны, и любовники даже не заметили, как оказались на земляном полу. Наконец Наиза вскрикнула и бессильно упала на гладкую широкую грудь мужчины, прикинув к его губам в долгом поцелуе. Глядя друг на друга, они рассмеялись. Оба с взъерошенными волосами, в которых торчали соломинки, в пыльной смятой одежде и блестящими от утолённого желания глазами.

— Возьми, — Элон протянул женщине золотой аман.

— Спрячь. Не надо. Я с тобой не из-за денег, — покрас-

нела Наиза.

— Бери, глупая, купишь себе чего-нибудь.

— Не возьму. Хотя... давай три медяка, я отдам их хозяину и смогу побыть с тобой ещё, а не искать мужчин.

Змеелов улыбнулся и высыпал ей на колени монетки.

Жаркий полдень томил город. Элон вместе с женщиной поспешил в трактир на встречу с Авесом. Сидя за грязным столом в полупустом трактире, сапожник болтал без умолку. Показывая приятелю нитку голубых бус, он расплылся в счастливой улыбке. Его немного смущало присутствие Наи-зы. Смущала её развязность: она сидела на коленях Элона, обняв его за шею. Он старался не смотреть на её обнажённое бедро, видневшееся в высоком разрезе хартона. Однако уходить не хотелось, тем более что снаружи стояла жара, а в трактире было прохладно и вино из ягод реба прекрасно утоляло жажду. На улице слышался шум. Топот лошадей. Повелительные крики.

— Что там такое? — пробормотал он, глядя в распахнутую настежь дверь.

— Ай, — отмахнулся змеелов, — навозная лепёшка из Нового города притащилась развлечься. Кто ещё может устроить такой переполох.

Но Авес решил выйти. Наиза последовала за ним, сгорая от любопытства. Как все женщины её ремесла, она была охоча до зрелищ.

— Элон! — воскликнула вернувшаяся в трактир Наи-за.
— Там сын правителя!

— И что? Мне выйти и пасть перед ним ниц?

Женщина схватила его за руку.

— Пойдём. Ну пойдём! Там что-то будет.

— Мне не интересно, — бросил змеелов. — Ладно, пошли. Отыщу Авеса, нам пора возвращаться.

Посреди рыночной площади в окружении охраны на коне и впрямь сидел сын правителя. Элон сощурил глаза и усмехнулся. Пухлый подросток с щекастым лицом и маленьким ртом заносчиво смотрел на толпу. Богатая одежда не могла скрыть ни живот, лежащий на ляжках, ни по-женски широкие бёдра. «Бедная кобыла, — подумал змеелов. — Как она таскает эту тушу? А ведь ему пятнадцати бурь не исполнилось». Вперёд выехал один из стражников и зычным голосом объявил:

— Жители Эстурии! Кто желает показать свою силу и ловкость, сразиться с охранником молодого господина Савола, сына правителя Джада? Победитель получит из его рук награду — десять аманов золотом!

В толпе стояла тишина.

— Скоты трусливые! — прошипел Савол.

Глашатай ещё продолжал зазывать желающих, объезжая толпу. Но люди пятились, пряча глаза. И внезапно раздался голос:

— Я хочу сразиться.

Элон вздрогнул и рванулся к Авесу, расталкивая зевак. Схватил приятеля за плечо, развернув к себе.

— Ты с ума сошёл?! Что ты творишь? Ты что не понима-

ешь, здесь дело нечисто. Иначе давно нашлись бы смельчаки.

— Ты не понимаешь? — Авес сбросил его руку. — Десять аманов золотом! Только представь, что я могу сделать с такими деньгами. Мы купим зуров, много зуров.

— Да ничего ты не получишь! Откажись, пока не поздно!

— Нет! Столько денег мне не заработать за всю жизнь. Ты же знаешь, я сильный. Я смогу одолеть соперника. Посмотри на мои руки, Элон. Я протыкаю пять слоёв кожи со смолой с десяти бурь. Отойди. Я не изменю своего решения. Вот. Подержи лучше мой мешок. — И Авес вышел из толпы на середину площадки.

— Отлично! — крикнул глашатай. — Нашёлся один храбрец среди стаи трусливых эрликов. Кто ты, смельчак?

— Авес, сын Утала, — смущённо улыбаясь, произнёс сапожник.

— Откуда ты?

— Из Лакойи.

— Лакойя? — Савол повернулся к охраннику, сидящему на коне рядом с ним.

— В степи, — скривился тот. — Селение нищих.

Змеелов увидел, как по лицам охраны промелькнули брезгливые усмешки.

И вот на середину места схватки вышел соперник Авеса. Толпа ахнула. Это был громила с широкой грудью, шеей как у зура и ростом на голову выше сапожника. Элон сжал губы. Он так и знал, что поединок заранее рассчитан на победу

охранника из свиты наглого подростка. Исход боя практически предрешён. Не стал бы Савол запросто обещать золото.

— Горожане! Ну что же, наш боец Гурдан готов. Поединок честный. Бой безо всякого оружия. Посмотрим же, кто одержит победу.

— Ну и урод! — громким шёпотом воскликнула Наиза, стоявшая рядом со змееловом. Но Элон смотрел на приятеля и чувствовал, что тот совершенно не ожидал такого соперника. Опрометчиво понадеявшись на свои силы. Змеелов заметил, что Авес сжал кулаки, стараясь скрыть подрагивание пальцев. Один из охранников ударил в медное блюдо, услужливо поданное трактирщиком, и бой начался. Гурдан неторопливо скинул короткий халат травяного цвета, обшитый по вороту и полам толстым золотым шнуром. Он остался с голым мощным торсом, в широких штанах из шелковистой ткани, заправленных в высокие сапоги. Снял шапку с высоким конусом и меховой опушкой, обнажив шишковатую голову с выбритыми висками. Отстегнул ножны и поднял над головой короткий меч, словно показывая толпе, что поединок, как и обещано, будет без оружия. Змеелов не отрываясь смотрел на его пояс, сшитый из воловьей кожи, шириной в мужскую ладонь и посередине украшенный круглой вставкой, сплошь заполненной блестящими на солнце шипами.

Соперники медленно обходили друг друга, как будто примериваясь. Наконец, не выдержав напряжения, Авес ринулся на противника и тотчас получил удар в лицо, едва усто-

яв на ногах. Но отступить было некуда, и он вновь и вновь пытался атаковать Гурдана. Змеелову казалось, что его приятель походил на эрлика, пытающегося наскакивать на зура. Гурдан посмеивался, его забавлял этот худой и жилистый нищий, что решился на битву. Он медленно кружил по площадке с нарочитой ленцой, уворачивался от ударов, будто выжидая, когда его хозяин и свита вполне насладятся зрелищем. Элону отчаянно хотелось подсказать Авесу другую тактику боя, но его совет услышит и противник, и подсказка потеряет всякий смысл. Наконец огромному бойцу надоело терять время, и он начал бой. Первый же серьёзный удар отшвырнул сапожника к толпе. Второй сбил его с ног. Безуспешно несчастный Авес пытался дотянуться до цели и ответить. Грудь и живот Гурдана были словно каменные. Удары противника были ему ни по чёму. А сапожник лишь успевал прикладывать к губам разбитые костяшки пальцев. Каждый раз ему становилось всё труднее подниматься с земли и продолжать схватку. Одежда его была порвана, губы разбиты. Но стоило Авесу подняться, как очередной удар оглушал его. И вскоре Гурдан принялся жестоко избивать сапожника, придерживая его за волосы и не давая упасть. Некоторые зеваки придвинулись ближе: их возбуждала кровь, залившая место побоища, и жестокость, с которой охранник избивал уже поверженного противника. Другие, в основном женщины, пытались выбраться из толпы и уйти.

— Меня сейчас вырвет, — прошептала Наиза. — Давай

уйдём.

— Нет, — Змеелов стоял, сжав губы, с каменным лицом. Только желваки ходили под кожей.

Из толпы слышались выкрики:

— Хватит! Довольно!

Гурдан обернулся к Саволу. Подросток медленно прикрыл глаза над пухлыми щеками. Охранник едва заметно кивнул и, приподняв голову еле шевелящегося соперника за волосы, провёл его лицом по шипам на своём поясе. Сапожник вскрикнул. Кровавые рваные борозды окончательно изуродовали лицо несчастного. Змеелов рванулся вперёд, но два стражника, выхватив мечи, преградили ему дорогу.

Меж тем Гурдан встал на одно колено, ударил себя в грудь, поднял руку. А затем, схватив сапожника за пояс и кинув себе на колено, с силой ударил его в грудь. Раздался омерзительный звук ломающихся костей.

Ледяная струя прошла по спине Элона от шеи до копчика. Он смотрел в глаза Авеса, наполненные такой запредельной мукой, что у змеелова перехватило дыхание. Ах, духи неба! Сапожник был ещё жив, но сломанный позвоночник лишил его возможности даже кричать от боли. Лицо его стало таким белым, словно постоянный загар за секунду сошёл с его кожи. Наиза зажала рот рукой, по лицу её катились слёзы, оставляя на щеках грязные дорожки от угля. Савол удовлетворённо взглянул на победителя и махнул пухлой рукой. Гурдан выпрямился, поднял мощные руки и вскинул голову.

И вдруг резко обернулся к поверженному сопернику и ногой встал на горло умирающего. Из рта Авеса вырвалась струя крови. Глаза его так и остались широко открытыми, словно он так и не понял, что умер, и продолжал ждать помощи от верхних духов.

— Жители Эстурии! — крикнул глашатай. — Победил боец господина Савола. Тело умершего будет подвешено за ноги на площади, чтобы каждый мог убедиться: бойцов наместника нельзя победить никому!

Двое охранников подошли к изуродованному телу Авеса. Но внезапно раздался громкий голос:

— Стойте! Я хочу сразиться!

Толпа удивлённо расступилась, и Элон оказался впереди с вцепившейся в его руку Наизой.

Савол хлопнул себя по ляжке, маленькие глазки блеснули. Пожалуй, развлечение ещё не окончено. Не зря он приехал в нижний город. Нищие такие забавные.

— Кто ты? — спросил глашатай.

— Змеелов, — сквозь зубы процедил Элон. После смерти Авеса его не отпускала внутренняя дрожь, сводившая лицо судорогой.

— Надеешься получить золото? — усмехнулся Савол.

— Нет! Если одержу победу, я хочу забрать тело погибшего.

— А-а-а, ты тоже из Лакойи, — скривился рыжебородый охранник. — В твоём селении, видно, все не в своём уме.

Променять золото на мертвеца может только слабоумный. Зачем тебе это?

— Чтобы отдать тело его родным и похоронить как положено.

— Смешно, когда бедняки корчат из себя благородных, но дело твоё, выбор сделан. Значит, будешь висеть рядом со своим односельчанином.

— Нет! Нет! — Наиза ещё крепче вцепилась в змеелова.

— Не огорчайся, шлюха, — усмехнулся рыжебородый. — Прежде чем повесить твоего дружка, я лично кое-что у него отрежу и подарю тебе. — Бойцы захохотали. Савол разразился хихиканьем, и несколько человек в толпе тотчас же подбостранно засмеялись.

Обладая острым языком и дерзостью, змеелов несомненно мог бы достойно ответить, но он промолчал. В его голове были всего две мысли: расправиться с убийцей Авеса и остаться в живых самому. Гурдан, посмеиваясь, выпил поднесённый кувшинчик вина и начал медленно приближаться к сопернику. Да, этот выскочка выглядит крупнее белобрысой дохлятины. Но исход боя это не изменит. Гурдан привык выходить победителем в любой схватке.

Элон внимательно следил за ним ещё во время первого боя, он успел запомнить его манеру наносить удар. Эта гора мускулов больше полагалась на силу, а не на ловкость. Змеелова верхние духи наградили двумя способностями, которые и послужили выбором ремесла: тонкий слух и молниенос-

ная реакция. И теперь, когда Гурдан замахивался, готовясь нанести сокрушительный удар, Элон либо отклонялся, либо пружинисто отскакивал в сторону. Он буквально изматывал противника, который впустую молотил воздух. Гурдан побагровел. Жалкий оборванец из селения нищих ещё не распластан на земле с переломанными костями!

— Нападай! Сын гиены! — крикнул рыжебородый. — Что ты скачешь, словно трусливый эрлик? Гурдан, прихлопни наконец эту назойливую муху!

Эти слова окончательно взбесили бойца. Он ринулся на змеелова, чтобы сбить его с ног. Когда проклятый прыгун упадет, останется просто свернуть ему шею. Но Элон, словно дразня соперника, то приближался, то отдалялся от него, и когда огромный Гурдан бросился вперёд всем телом, за секунду до столкновения змеелов вновь увернулся, и Гурдан, не встретив сопротивления, потерял равновесие и рухнул на землю. Элон знал, что у него есть только один шанс не дать противнику подняться, и если он упустит его, то всё конечно. Он бросился на Гурдана, когда тот уже успел повернуться на спину и начал привставать. Навалившись на соперника, змеелов со всей силы вцепился ему в горло. Боец пытался разжать его руки, выгибался всем своим огромным телом, чтобы сбросить противника. Хватка Элона начала слабеть. В азарте он пропустил удар в лицо: разбитая скула закровоточила, рот наполнился кровью. Но сейчас змеелов сражался уже не ради мести, а за свою жизнь. Он схватил Гурда-

на за волосы и со всей силы ударил его головой о землю. Но для такого громилы этого оказалось слишком мало, чтобы лишиться чувств. Хотя хватило для змеелова, чтобы прижать руки бойца коленями к земле, буквально оседлав его. Он вновь вцепился в горло убийцы Авеса. Гурдан несколько раз ударил его коленом по ребрам. От резкой боли у змеелова потемнело в глазах, но он не разжимал пальцев на горле и продолжал бить противника головой о землю. Глаза змеелова пылали ненавистью, окровавленные губы кривились. Высвободив одну руку, Гурдан попытался схватить змеелова за шею, но тотчас получил удар кулаком в лицо. Брызнула кровь. Элон, не помня себя, принялся бить противника по лицу, словно кузнец молотом по наковальне. Толпа гудела. Рыжебородый выхватил меч. Но Савол ударил его ладонью по руке.

— Не мешай! Даже если победит нищий, денег платить всё равно не придётся. Он ведь поменял их на мертвеца.

— Но он покалечит вашего лучшего бойца, господин!

— Подумаешь, — пожал плечами подросток. — У нас все бойцы хорошие. Найду другого.

Лицо Гурдана было залито кровью. Он уже не пытался отбиться и только скрёб пальцами по земле. Элон наконец остановился. Пошатываясь, он встал на ноги и сделал несколько шагов. И тут взгляд его упал на мёртвое тело Авеса, что лежало поодаль. Его даже не накрыли тканью, словно для всех его гибель ничего не значила. Змеелов резко обер-

нулся — под крики толпы, которые он даже не слышал, потому что в голове у него гудело и темнело в глазах — вернулся к поверженному противнику. Опустился на землю и, обхватив голову Гурдана, свернул ему шею.

— Ловко! — воскликнул Савол. Но его слова утонули в крике толпы. Площадь ликовала.

— Эй, — крикнул подросток, махнув Элону. — Подойди ко мне.

Змеелов, стараясь идти твердо, медленно подошёл ближе.

— Ты убил моего охранника. Можешь занять его место.

Элон сплюнул окровавленную слюну.

— Благодарю, господин, но мне нравится моё ремесло.

— Ну и дурак, — усмехнулся Савол. — Ну ладно. Славно развлеклись сегодня, — заявил подросток. — Я так и знал, что в нижнем городе найдётся на что посмотреть. Пора домой. Если поторопимся, успеем до темноты.

— А Гурдан? — спросил рыжебородый. — Его надо забрать.

— Зачем? Ты думаешь, у нас найдётся хоть один человек, который станет проливать по нему слёзы? Пусть горожане сами чистят свои улицы.

Люди расступились, и Савол с охраной направился к воротам города. Толпа вновь сомкнулась. Всем хотелось посмотреть на смельчака. Но Элон ничего не видел. Силы оставили его. Невыносимо болели рёбра и спина, ныла разбитая скула, по-прежнему кровоточила лунка выбитого зуба. Голова

кружилась, к горлу подкатывала тошнота. Растолкав зевак, к нему протиснулась Наиза. Лицо её опухло от слёз.

— Нам нужно домой, — пробормотал он, кивая на тело сапожника.

Элон не помнил, как оказался в арбе, сидя возле накрытого старой шкурой приятеля. Двое селян, сидевших рядом, молчали. Они уже успели обсудить увиденное. Змеелов, помотав головой, отказался от глотка вина из протянутой ему кожаной фляги. Ему отчаянно хотелось домой. Лечь на постель из травяного тюфяка и забыться сном. Тряска арбы вызывала боль во всём теле. Он нащупал языком лунку от выбитого зуба, она продолжала кровоточить, вынуждая его, преодолевая боль, перегибаться через край арбы и сплёвывать кровавую слюну. Вдоль дороги тянулись толпы нищих. Их всегда выгоняли из города с наступлением сумерек. Элона больше не интересовало, куда они исчезают, пропадая в темноте. Он вспомнил, как Наиза пыталась промокнуть кровь на его лице, но не помнил, куда она делась потом. Нашупал мешки — свой и Авеса. Вновь прикрыл глаза, борясь с тошнотой. Несколько раз он лишался чувств и очнулся уже на площади перед храмом своего селения. Люди стояли, подняв факелы, освещая площадку. Элон не стал вслушиваться в шипение жреца, крики матери и невесты Авеса. Кто-то из селян помог Майте довести его до дома.

— Отдай вещи сапожника его родным, а бусы — Лауне,
— пробормотал змеелов, рухнув на постель.

Элон не помнил, сколько пробыл в забытии. Очнувшись,

он увидел мать, сидящую возле очага, и Тенгора, сидящего рядом с ним. В лачуге был полумрак. Скудный свет давали лишь угли в очаге. Старик бросил в очаг пучок трав, их горьковатый аромат защекотал ноздри. Шаман нащупал плоску и высыпал в неё порошок из кожаного мешочка. Так же ошупью он взял плоску с водой и начал лить воду в порошок, проверяя пальцем содержимое. Затем принялся размешивать кашицу, разминая её пальцами. Наконец он скатал шарик чуть больше зерна дикой ягоды.

— Открой рот, Элон.

Змеелов покорно открыл рот, морщась от боли в разбитой скуле. Старик приложил скатанный шарик к лунке выбитого зуба и вдавил его в ранку.

— Можешь закрыть, — усмехнулся Тенгор.

Затем взял другую плоску с тёмной тягучей жижей и начал смазывать разбитую скулу. Жижя холодила кожу, и змеелов попытался улыбнуться.

— Лежи смирно, — нахмурился шаман. — Ну вот, дай-ка пощупаю твои кости.

Элон с трудом повернулся на живот. На спине и боку расползлись два уродливых багровых кровоподтека. Худые прохладные пальцы старика прикасались легко, словно по коже скользили крылья бабочки.

— Два ребра с трещиной, — уверенно заявил Тенгор матери. — Но не сломаны, а это главное. Положи на раны куски стеблей саула и туго обмотай своего сына полоской кожи.

Хотя бы поясом. Ничего. Скоро пыльная буря. Всё равно из дому не выйдешь. Он как раз отлежится.

Змеелов вновь перевернулся на спину, боль отступила, и его клонило в сон.

— Тенгор, — пробормотал он, — почему верхние духи не уберегли Авеса?

— Запомни, мальчик. Духи не бывают верхними или нижними. Они просто есть. У неба — духи солнца, дождя и облаков. У земли — духи рек, растений и зверей. Даже у гор есть свои хранители. Так вот, духи всегда дают человеку выбор поступать так или иначе. Авес мог не соглашаться на поединок. Мог и вовсе не поехать в город. Как и ты. И ты мог уйти и не смотреть на его гибель, не биться за его тело. Видишь, у каждого был выбор — поступать так, как он считает правильным. А духи могут только дать совет. Так что они не злые и не добрые, они мудрые. Я говорю с ними, поэтому знаю больше остальных.

— А жрецы говорят совсем другое, — пробормотал Элон, борясь со сном.

— Жрецы должны так говорить, иначе лишатся жертвований, — рассмеялся старик. — Поэтому они ненавидят шаманов.

Как и говорил Тенгор, змеелов проспал два восхода и проснулся, когда на Эстурию обрушилась пыльная буря. Песок шуршал по стенам лачуг. Мелкие камешки и песок проникали даже в прикрытое шкурой дымовое отверстие кры-

ши. Элон присел на постели и провёл рукой по туго затянутой куском дублёной кожи груди. Мать сидела на своём постоянном месте возле очага. Напротив сидел шаман, прикрывая незрячие глаза от жара.

— Видишь, мальчик, пока я дошёл до твоего дома, началась буря, — скрипуче рассмеялся Тенгор.

— Ну и хорошо, — улыбнулся змеелов. — Мне интересно слушать тебя, шаман. Жаль, что я не успел сделать запасы перед бурей.

— У нас есть еда и вода, — ответила Майта. — Отец Авеса принёс сколько мог. Говорит, что это благодарность тебе за его сына. Ты отомстил за его смерть.

Змеелов отмахнулся.

— А бусы? Ты отдала бусы Лауне?

— Конечно, — пожала плечами мать. — После того как пепел мёртвого развеяли по степи, мать Авеса позвала её жить к ним. Они считают девушку вдовой своего сына. Она ведь сирота. Ей лучше будет жить со стариками, чем гнуть спину на жреца. Да и за самими стариками будет кому присмотреть, раз их сын умер.

Элон помолчал. Вновь вытянулся на постели. У него немного кружилась голова и хотелось просто лежать, ничего не делая. Скучный свет очага и тонкой щепы, обмотанной старой тряпкой, смягчал убогую обстановку лачуги, и змеелову казалось, что его жильё достаточно уютно.

— Расскажи что-нибудь, Тенгор. Ты ведь многое видел и

многое знаешь.

Старик повернулся к Элону и улыбнулся.

— Да, я видел достаточно, много знаю, а что не знаю — спрашиваю у духов. Конечно, если они хотят говорить со мной. Ну слушай.

— Очень давно, может, сто бурь назад, а может, больше, в Эстурии жило несколько племён. И между ними царил мир. Им нечего было делить. Но вот однажды из пустыни явились чужеземцы. Они поселились в степи, вот здесь, в наших местах. Они называли себя гуратами. Они не разводили скот, не обрабатывали землю, хотя в те времена степь не была такой пустой и засушливой. Всё, что гураты умели, — это нападать на соседей и забирать их добро. Остальным племенам стоило бы объединиться и дать отпор захватчикам. Но каждое племя считало, что их это не коснётся. Вот так и вышло, что постепенно гураты захватили почти всю Эстурию. Настоящий отпор им дали только ликуры. И тогда гураты стали внушать остальным, что во всех бедах надо винить не их, а именно ликуров. «У них самая хорошая земля. Леса, озёра и реки. Смотрите, — говорили гураты, — ликурам слишком хорошо живётся. Их дома из камня, а ваши — из глины. Их дети пьют молоко коз, а ваши — водянистое молоко зуров». Ты хоть и слишком молод, Элон, но знаешь, что зависть лишает человека разума. Ему не хочется сделать свою жизнь лучше, ему хочется сделать чужую хуже. И тогда ему будет не так горько. А ликуры жили лучше только потому,

что хорошо трудились и больше всего дорожили свободой. Ведь у них одних из всех племён не было правителей. У ликуров был совет мудрейших — несколько самых уважаемых и почитаемых человек. Этот совет и принимал решения по важным для племени вопросам. Вышло так, что войско гуратов становилось всё многочисленнее за счёт захваченных племён. И настал день, когда ликуры просто не могли защитить себя. Мужчин убили, женщин и девушек взяли в плен. Их насильно выдавали замуж за самых бедных и самых покорных, в надежде что их дети станут такими же безропотными, как все захваченные племена. Со временем ликуры почти полностью смешались с остальными. Но каждый младенец, в котором течёт хотя бы капля крови ликуров, вырастает таким же свободолюбивым, как его предки. Они становятся людьми, которых боятся и ненавидят. Придёт время — и потомки ликуров заберут свою землю обратно. И тогда жизнь в Эстурии станет намного лучше, чем сейчас.

— Зачем ты рассказываешь это, Тенгор? — нахмурилась Майта и, раздражённо встряхнув головой, перекусила нитку, которой чинила одежду.

— А ты собиралась скрывать это, женщина? Твой сын — ликур! И ты это прекрасно знаешь. Или ты думаешь, что окружающие не видят его лица? Квадратного подбородка, пухлых губ? Только у мужчин ликуров не бывает волос на лице, и тела их гладки как камень. А может, ты не видела своё отражение в воде, Майта?

— Ты знаешь, как я уважаю тебя, Тенгор! — Женщина вскочила. Глаза её сверкали. — Не стоило рассказывать о ликурах моему сыну. Ты сам видишь, он едва не лишился жизни в попытке отомстить за смерть сапожника.

— Верно. Потому что ликуры всегда стояли за справедливость.

— Я не хочу потерять своего сына, шаман! — вскрикнула Майта.

— Люди не знают будущего, женщина. А духи дают выбор. Не мешай своему сыну выбирать судьбу и следовать ей.

Элон даже не обратил внимания на перепалку матери и шамана.

— У моего отца была кудрявая борода, — пробормотал он.

— Верно. Ведь твой отец не ликур, — пожал плечами старик.

— А жрецы?

— Жрецов привели гураты. Ликеры никогда не строили храмов. Они доверяли шаманам.

— Ты тоже ликур, Тенгор?

Шаман рассмеялся.

— А как ты сам думаешь, мальчик?

Рассказ старика потряс Элона. Стало быть, в его жилах течёт кровь благородных ликуров! Да, теперь он знает об этом. Но что с этим делать? Мысли вихрем проносились в его голове.

Буря закончилась через три восхода. Селяне спешили покинуть лачуги и привычно осмотреть, какой ещё урон нанесла проклятая пустыня. Мужчины, женщины и дети чистили дворы, мазали свежей глиной посечённые песком лачуги. Самые бедные жители Лакойи нанимались к жрецу, обметая храмовые колонны, крышу, ступени, выметая мелкий сор из храмового зала, где стояли фигурки духов и блюдо для подношений. Малочисленных зуров вывели в степь. Там мальчишки, разгребая песок, выкапывали остатки травы и кустики саула.

На пятый восход в селении появились четверо всадников и повозка с плетёными стенами, похожая на клетку. Двоих из них селяне знали — это были сборщики налогов Дум и Воргас. А в одном из незнакомцев с отвращением узнал Элон. Это был рыжебородый охранник из свиты Савола.

Сборщики прошли в храм, жрец выбежал им навстречу.

— Верхние духи сказали, что вы придёте сегодня, — заявил он. — Они обещают хранить вас, ибо работа ваша крайне важна. Все должны платить налог, ведь духи учат нас не быть жадными и делиться по справедливости.

— С кем? — хмыкнул змеелов. — С теми, у кого и так всего полно? Если духи призывают к справедливости, пусть богатые поделятся с бедняками.

Жрец покраснел от возмущения. Поспешив за вошедшими в храм сборщиками, он погрозил Элону кулаком. Сборщики поклонились фигуркам духов, приложив ладони ко лбу, наспех прочли молитву. Брать налог со жрецов не полагалось, и Дум с Воргасом принялись обходить лачуги. Испуганные хозяева торопились опустить в их мешок деньги. У кого не хватало или вовсе не оказывалось денег, расставались с имуществом, на которое указывали сборщики. Над селением слышались плач и мольбы. Изрядно нагрузившись, сборщики вошли в лачугу Тенгора.

Старик сидел молча, глядя в пустоту незрячими глазами.

— Тут и взять нечего, — оглядевшись, шепнул Воргас.

— Ну и ладно, пошли отсюда. Не люблю шаманов, — тихо ответил Дум. — Говорят, им помогают нижние духи и они запросто могут превратить человека в гиену или наслать хворь.

Тенгор, скрывая усмешку, поднял руку и что-то забормotal. Пятясь, сборщики выбрались из лачуги и с облегчением выдохнули. В арбу покидали утварь, меховые шкурки и вязанки засушенного саула.

Элон уже заплатил налог и теперь раздражённо ждал, когда незванные гости уберутся прочь.

— Эй, ты! — крикнул рыжебородый, указывая на змеелова кнутовищем. — Поедешь с нами.

— Это ещё зачем?

— Приказ правителя. Велено доставить тебя к нему. Что,

испугался, долговязый? — Рыжебородый оскалился.

Майта схватила сына за плечи.

— Нет, нет, Элон!

— Не бойся, — мягко отстраняя её, сказал змеелов. — Видишь, как я понадобился правителю, раз он заставил своего верного прислужника явиться в селение нищих.

Рыжебородый скривился, с трудом сдержавшись, чтобы не ударить змеелова кнутом. Ну ничего, у него, Булгана, ещё будет возможность поквитаться с этим паршивым сыном гины.

Поездка на арбе, сидя в плетёной клетке, стала для Элона сильнейшим унижением. Дверцы в клетке не было, и змеелов мог бы выпрыгнуть прямо на ходу и сбежать. Но он остался — и совсем не из страха, а услышав разговор Булгана со своим напарником. Остановившись перекусить, рыжебородый ударил ногой по борту арбы и прошипел:

— Этот ловец червей расселся словно господин. Ему бы больше подошло идти за нами пешком! А чтобы не отстал, его следует привязать к арбе за руки.

Сборщики промолчали. Им вообще было всё равно. Их дело — доставить собранную дань.

Змеелов пожал плечами.

— Можно сделать поездку ещё удобней. Я сяду на твоего коня, рыжий эрлик, а пешком пойдёшь ты.

Сборщики захохотали. Булган вскочил и, ринувшись к арбе, выхватил меч. Приятель успел повиснуть на его руке.

— От злости ты лишился ума! Правитель приказал привезти змеелова, а не его голову! Что ты скажешь господину в своё оправдание?

Пунцовый от гнева Булган убрал меч в ножны и пробормотал очередное ругательство. А Элон понял, что может глумиться над рыжебородым как угодно, пока не доедет до места. И он раздумал бежать — ему стало любопытно, что понадобится правителю. Дорога заняла два восхода. И чем дальше, тем меньше знакомой была она для змеелова. Старый город объехали со стороны глухой ограды, не заезжая в него. «Ну и хорошо», — подумал змеелов. Не хватало ещё, чтобы в проклятой клетке его увидела Наиза. На следующих двух остановках лепёшки, которые в последний момент сунула ему мать, закончились. Просить еду у сборщиков и тем более у Булгана Элон не желал. И когда арба подъехала к воротам Верхнего города, змеелов сильно проголодался.

Джад прошёлся по своим богато убранным покоем. Красиво, но уже не вызывает восхищения, как в юности. Нащупал ключ на груди. Башню он посещал редко, хотя с неё открывался вид на весь город. Что он там не зал и не видел? Жёлтые хартоны на прислуге? Раскидистые сады? Мастерские? Надоело до зубовного скрежета. Но Джад считал, что как полновластный хозяин обязан пускай изредка, но осматривать свои владения. Дворец он покидал редко. С возрастом ему стало неуютно видеть множество людей. Не ездил в Старый город. На что там смотреть? Грязь, вонь, крикливые

торговцы и бедность. Всегда бедность. Вся Эстурия словно сборище нищих. Ещё его отец, правитель Шатруд, окружил себя свитой, состоящей из знати. Из Нового города изгонялись старики, они всё равно не могут работать, значит, бесполезны. Хворые и калеки — чтобы не портили настроение своим видом. Прислуге запрещено было заводить детей. Маленькие существа слишком шумные, Джад сам не играл в детстве, не привык к игрушкам, как его сын. Зачем это? Правитель вздохнул, спустился к себе. Лёг на широкое ложе, уставился в потолок, украшенный резным деревом. Неслышной тенью мелькнул слуга:

— Питьё, господин.

— Иди вон, — бросил Джад. Хотел швырнуть в слугу плошку, но стало лень шевелиться. Он умён, богат, обладает властью. Чего ещё желать? Но откуда же сны, что вынуждают вскакивать на ложе, поливаясь потом? Не иначе нижние духи насылают их. Проклятые кошмары то покидают его, то возвращаются вновь. Это началось давно, тогда он был совсем молодым и не таким грузным. Не торчал живот, не тряслись при ходьбе щёки. Отец... Он правил Эстурией пятнадцать бурь. Занял трон умершего деда. Дед был правителем целых тридцать бурь. Джад подозревал, что отцу надоело ждать трон, старик точно умер не своей смертью. Не своей смертью умер и сам Шатруд. Правитель хорошо запомнил его мучения на смертном ложе. Лицо раздулось, кожа стала сизой. Он тяжело прерывисто дышал и скрёб пальца-

ми по рыхлой груди. Мерзкий звук от скребущих дорогу ткань пальцев особенно врезался в память. Тогда молодой Джад смотрел на них не отрываясь, ждал, когда пальцы замрут навсегда. Шатруда мучала рвота, слуги быстро старались убрать зловонные лужи, переодеть и обтереть распухшее тело. А Джаду приходилось сидеть у постели умирающего и всё терпеть. Став правителем, он сразу распорядился поставить везде блюда с цветочными лепестками. Но отвратительная вонь чудилась ему целую бурю после похорон. Эти ягоды лассовника⁶... Тёмно-пурпурные с глянцевым блеском и сладким ароматом. Для взрослого достаточно всего трёх-четырёх штук. Джад приказал выкорчевать лассовник по всей Эстурии. Много восходов стража рыскала по селениям, чтобы удостовериться: проклятого растения не осталось. Почему эти воспоминания стали одолевать сейчас? А ведь он постарался окружить себя знатными, богатыми людьми. Джад усмехнулся. Их верность основана на золоте. Но даже дикий зверь не нападает на того, кто его кормит. Да, золото — единственная вещь на свете, ради которой стоит бороться за власть и за свою жизнь. Но ему бороться точно не нужно. Золотая гора исправно дарит драгоценный металл. А сны... они пройдут, как проходили уже не раз. Когда он не мог и боялся заснуть, к нему приводили очередную наложницу. Джад был не слишком силен по мужской части, но страх в чужих глазах вызывал у него возбуждение. Парши-

⁶ Ядовитое растение Эстурии

вые девки всегда смотрели на него со страхом, часто с отвращением и никогда с желанием. Правитель ни разу в жизни не был с женщиной, в глазах которой были если не любовь, то хотя бы страсть. Жёну он не любил. Женился молодым на некрасивой девушке с широким лицом и бровями гуще, чем у самого Джада. Зато она была знатного рода. Он перестал навещать её спальню после рождения Савола, единственного младенца, оставшегося в живых. Теперь женщина жила в дальних комнатах, и правитель совсем не вспоминал о ней. Три бури назад вдруг зашёл в её покои. Толстая некрасивая старуха с надменным лицом. Сын тоже редко её навещал, вечно вертелся под ногами отца. Джад терпел: сын — наследник и продолжатель рода. Савол толстый и неуклюжий. Не о таком сыне мечтал Джад. Смотрел на него, ощущая во рту горький вкус, покалывание в животе. Не хотел верить, что Савол похож на него. В роду правителя все мужчины отличались длинным телом и короткими ногами. Но в воспоминаниях Джад никогда не видел себя таким. Казалось, был выше и стройнее сына. Правитель встал. Потёр лицо, чтобы выкинуть лишние мысли из головы. Скривился от прикосновения к жёстким волоскам на одутловатых щеках. Надо чем-то развлечь себя, чтобы ночной страх, который вызывает сухость во рту и давит грудь, отступил. Джад боялся ночи, когда оставался один на один со своими мыслями. Но он умный, хитрый, сильный. Нижним духам его не запугать. Сегодня должны привести какого-то селянина, убившего Гур-

дана. Гурдан забавлял правителя кровавыми боями. Победить его никто не мог. Но вот всё-таки нашёлся такой. Любопытно взглянуть на него. Что ж, пусть заменит Гурдана, если оказался сильнее. Джад хлопнул в ладоши: пусть подадут еду. Сына не позвал, сам прибежит, за два полёта стрелы чует запах пищи. В кого он такой?

Верхний город поразил Элона. Густая сочная зелень. Высокие деревья, в ветвях которых щебетали птицы. Змеелов прежде не видел таких ярких птиц. Над степью лишь изредка кружили орлы-заркасы. Они хватали эрликов и тотчас улетали, унося добычу в горы. Здесь царил аромат цветов и не было неприглядного запаха нищеты. Элона вели по ухоженной дороге, посыпанной мелкой каменной крошкой. Он жадно продолжал разглядывать всё вокруг. Дома были из камня, с окнами из прозрачной слюды. Горожане одеты в халаты из тонкой козьей шерсти, расшитые витыми шнурами; у многих на поясах красовались узоры из мелких золотых колец. Змеелов в своей одежде выглядел нищим. Даже слуги, что торопливо сновали между домов, были одеты в хартоны из плотной шелковистой ткани бледно-жёлтого цвета.

— Что уставился, охотник на червей? — Булган пихнул змеелова в спину. — Так живут достойные люди, а не паршивый скот из селений вроде тебя.

Элон резко остановился, и рыжебородый от неожиданного препятствия налетел прямо на него.

— Я хочу лучше разглядеть землю, из которой были из-

гнаны мои предки.

— Иди, иди, сын гиены, — рявкнул Булган, не найдя достойного ответа.

Дворец наместника возвышался над всеми постройками города, казалось, даже храм с колоннами из розового камня был ниже. В небольшом зале, куда привели змеелова, стены с тянувшимися вдоль них полками, вазы, два каменных трона, накрытых пушистыми шкурами, были так щедро украшены золотом, что у змеелова заломило глаза. Лучи света, идущие из отверстий в крыше, отражались в золотых блюдах, висящих на стенах. Сбоку от тронов была чаша на высокой подставке, до краёв наполненная водой, в которой плавали лепестки неизвестных Элону цветов. От чаши шёл лёгкий, с горьковатой ноткой аромат свежести. И вот, отбросив ткань, прикрывающую другую комнату, появился наместник; позади шёл Савол, вытирая тыльной стороной ладони жирный рот. До этой поездки змеелов видел наместника всего однажды, да и то мельком. Теперь он мог разглядеть его.

Наместник Джад был коренастым, коротконогим человеком с внушительным животом. Кудрявая каштановая борода с проседью покрывала щёки. Мясистый нос и маленькие глаза под густыми бровями. Лицо его казалось одутловатым. Теперь понятно, в кого Савол такой толстяк. Рыжебородый пихнул змеелова в спину.

— Поклонись, тупой селянин, — прошипел он.

Элон наклонил голову и тут же вскинул её, открыто глядя

на наместника.

— Ты не из робких, — усаживаясь на трон, произнёс Джад. — Мне нравятся смельчаки. Однако в тебе нет почтения, это плохо. Так это ты расправился с Гурданом? Жаль, он был сильным бойцом. Но раз ты оказался более ловким... Ты умеешь стрелять из лука?

— Да.

— А владеть мечом?

— Нет. Лук нужен мне, чтобы добывать еду. Мечом её не добудешь, — пожал плечами змеелов.

— Почему ты избрал такое низкое ремесло?

— Мне нравятся змеи, — усмехнулся Элон.

— Змеи — посланники злых духов, — закатив глаза, произнёс Джад. — Ладно, я беру тебя в бойцы. Конечно, вначале ты будешь просто охранять мои владения, пока не научишься владеть мечом. А потом станешь бойцом и займёшь место Гурдана.

— Нет, — без раздумий ответил змеелов. — Мне нравится моё ремесло и моя жизнь, и менять их я не собираюсь.

Лицо наместника потемнело.

— Твоя дерзость тебе же во вред. В Эстурии, кому и чем заниматься, решаю я! Будешь работать там, где я скажу.

— Не буду, — сверкнул глазами Элон. — И если бы твой рыжий эрлик Булган сказал мне о цели поездки сразу, то сейчас я бы не стоял перед тобой, а ловил змей в Лакойе.

— Заковать этого наглеца! — подавшись вперёд, рявкнул

наместник.

Мигом подскочили четверо стражников, и на запястьях Элона оказались железные браслеты, соединённые ржавой цепью.

— Ещё пожалеешь о своей наглости, сын гиены! — воскликнул Савол, вскакивая с места. Змеелов резко отклонился, и пухлый кулак подростка ткнулся в щёку одного из стражников. Неловкий поступок сына вызвал у Джада раздражение. Ему показалось, что кто-то из его людей тихо хихикнул. Уж очень нелепым выставил себя Савол.

— Дайте ему десять плетей, — стараясь придать голосу равнодушие, произнёс наместник. — А после отправьте на работу в Золотую гору. Пусть там покажет свою силу и ловкость.

Змеелова потащили прочь. Булган схватил Элона за безрукавку и прошипел ему прямо в лицо:

— Я и мечтать не мог о таком даре. Наконец-то получишь сполна, проклятый охотник на червей.

Змеелов не ответил. Ему казалось, что происходящее — лишь дурной сон. Он не мог поверить, что за отказ идти на службу к правителю его ждёт такая кара. Элон понял, что всё происходит наяву, только когда его приволокли к помосту позади дворца. Там четверо стражников привычно привязали его руки в обнимку к толстому деревянному столбу и рванули за ворот безрукавки, обнажив спину. Раздался свист плети, и кожу змеелова обожгло словно кипящей во-

дой. Элон дёрнулся и сжал зубы. Второй удар пришёлся на недавно зажившее место на спине после схватки с Гурданом, и боль охватила всё тело. Неимоверных усилий ему стоило сдержать вскрик. Такого унижения он никогда ещё не испытывал. Даже отец не поднимал на него руку. А драки в детстве с мальчишками не в счёт — там всё было на равных. Ярость, охватившая змеелова, немного приглушала боль от ударов. Хотя когда позорное наказание окончилось, он ощутил, что прокусил губу до крови. Его наконец отвязали от столба. Спину невыносимо жгло. Стараясь крепко стоять на ногах — хотя в голове звенело и ныли виски, — он оглядел стражников тяжёлым взглядом и задержался на глумливо ухмылявшемся Булгане.

— Я вернусь и убью вас, — глухо произнёс он. — А тебя первым, — не мигая глядя на рыжебородого, добавил он.

— Мало тебе досталось, охотник на червей, — Булган схватился за кнутовище плети одного из стражников. Но тот убрал руку с плетью за спину.

— Хватит с него. Ты помнишь, что сказал правитель? Пусть медленно подышает в Золотой горе, а не быстро на заднем дворе господина Джада.

Элона отвели ещё дальше вглубь угодий правителя и толкнули в яму чуть выше человеческого роста. Сверху опустили крышку из толстых ветвей.

Наступили сумерки. Змеелов не мог даже толком оглядеться и только на ощупь понял, что яма всего пять шагов в ширину. Значит, лечь хотя бы на земляной пол он не сможет. Придётся сидеть всю ночь. На рассвете его отвезут к Золотой горе. Не та ли это гора, где работал его отец? Кажется, он где-то слышал, что несколько бурь назад от скалы отвалился большой пласт, похоронив разом почти всех каменотёсов, и показалась горная порода с прожилками золота. Рассуждая об этом, змеелов пытался отвлечь себя от тягостных мыслей. Ему совсем не хотелось признать, что он поступил как дурак. Ведь откажись он сразу ехать с рыжебородым — а в том, что он справился бы с ним и его напарником, Элон не сомневался, — то сейчас сидел бы в своём доме или у Тенгора. Хотя, пожалуй, ему пришлось бы податься в бега. Сборщики налогов донесли бы на расправу со стражей. Ну и ладно, Эстурия большая, нашёл бы где спрятаться. И что? Сколько бурь пришлось бы скитаться и шарахаться от каждой тени? Такая участь не для ликура! Теперь, когда он увидел землю своих предков, острее ощутил несправедливость. Пусть пришлые убираются вон в пустыню, из которой пришли. Он должен жить на своей земле. И мать, и Тенгор, да мало ли ликуров рассеяно по Эстурии. Змеелов сел на землю, притянув колени к животу, стараясь не прижиматься израненной спиной к

земляной стене. Есть он уже не хотел. Мучала жажда. Хотя бы глоток воды! В небе начали зажигаться звёзды. Одна из них — прямо над ним, поблёскивает голубоватым светом. Говорят, это верхние духи зажигают огонь в своих очагах.

— Эй, эй, змеелов, — слышался сверху торопливый шёпот.

Элон встал, стараясь разглядеть того, кто склонился над решёткой. Худенький подросток в жёлтом, как у всей прислуги, хартоне.

— Я принёс тебе воды, змеелов. Возьми, только пей быстрее: если меня увидят, то повесят.

Элон осторожно перехватил спущенный на верёвке кувшинчик. Жадно выпил всё до капли. Подросток, оглядываясь, вытащил опустевшую посуду.

— Откуда ты меня знаешь? — так же шёпотом спросил змеелов.

— Я был в городе, когда ты сражался с Гурданом.

— Можешь открыть решётку? Или хотя бы раздобудь мне нож.

— Нет, нет, — замотал головой слуга. — Тебя всё равно обыщут. Я и так рискую. Сейчас стража закончит есть. Мне нельзя здесь оставаться. Прощай. Да хранят тебя верхние духи.

Вихрастая голова исчезла. Элон вновь сел на землю. Ничего, он попытается выбраться отсюда, надо просто придумать как. Наверху слышались голоса. Змеелов сразу узнал

голос Булгана. Тот наклонился над ямой, пьяно пошатываясь.

— Смотрите. Этот сын гиены сидит смирно, может, заснул. Или подход наконец. Надо его взбодрить.

Змеелов заметил, как рыжебородый распахнул полы халата, и тотчас вскочил на ноги. Он успел увернуться от струи мочи, задев спиной стену. Подняв голову, он крикнул:

— Эй, Булган. Тебе бы надо смазать свой сучок соком саула. Длины это, конечно, не прибавит, но хоть в ширину станет больше.

Стража оглушительно захохотала. Разъярённый рыжебородый рванул цепь, державшую крышку над ямой. Но дружки подхватили его под руки и, продолжая хохотать, потащили прочь.

— Ладно тебе. Пойдём ещё выпьем и спать. Завтра вставать рано.

— Ну насмешил этот оборванец. Ну и насмешил. Соком саула. А-ха-ха.

Пьяные голоса растаяли в ночи. А змеелов ударил кулаком по стене и вновь погрузился в тягостные мысли.

На рассвете Элону повезли к Золотой горе. Ему вновь пришлось сидеть в клетке со скованными руками. Бессонная ночь, израненная спина и затёкшие ноги — хотя он заставлял себя периодически топтаться на месте — вызвали у него чувство опустошённости. На какое-то время ему стало всё равно, что с ним будет. И только присутствие Булгана вызы-

вало в его глазах искру жизни. Нет, он непременно должен выжить и стать свободным, хотя бы ради того, чтобы отомстить рыжебородому. И змеелов постоянно поддерживал в себе тлеющие угли жажды мести, не давая им угаснуть. Он запретил себе думать о матери. Мысль, что она не знает, что с ним, и не узнает, даже если он погибнет, лишала его сил. А силы ему ещё понадобятся.

Измощённые худые люди сновали у подножия горы словно мошки. На огороженном крепким забором участке стоял грохот от стука молотов и падающих камней. Чуть дальше от подножия горы расположились огромные котлы, под которыми жарко пылал огонь. За пламенем следили несколько человек с мехами, какие бывают в кузницах, но более мощными и гораздо большего размера. Их приходилось раздувать вдвоём, а то и втроём. Котлы были раскалены до красна, и работающие рядом с ними дышали широко открытыми ртами, то и дело утирая пот с разгорячённых лиц. Когда стражник бил в медный диск, к котлам на тачках подвозили обломки камней, испещрённых золотыми жилами. Камни сгружались на ленту из деревянных плашек, и двое рабочих, красных от натуги, принимались крутить железную ручку колеса. Натягивалась толстая верёвка, сплетённая из двадцати воловьих жил, и дорожка из плашек медленно ползла вверх, поднимая камни к котлам. На помосте стояли двое самых крепких рабочих, которые длинными копьями стаскивали камни в котлы. В жару золото плавилось, и к заходу

солнца работа остановилась. Пламя гасло, и котлы остывали до следующего утра. Затем уже остывшие котлы наклоняли и тщательно выбирали слипшиеся золотые кусочки, похожие на комки грязи. Потом другие рабочие выгребали ненужные камни, чтобы освободить котлы для следующих глыб. Надсмотрщики тщательно проверяли и взвешивали золото. После его переносили под навес, где сидящие на мокром полу рабочие промывали его в больших глиняных блюдах. На выходе стоял ещё один надсмотрщик, который вновь взвешивал золото, проверяя, не потерялся ли хотя бы один кусок. Далее золото зашивали в мешки из шкур зуров и грузили в крытую арбу. В сопровождении пятерых стражников она отправлялась во дворец правителя.

Глубокая тоска охватила Элону. Понятно, что рабочие здесь долго не живут. Всего за короткое время после приезда он насчитал троих упавших замертво. Их просто оттащивали к убогим крошечным хижинам, чтобы тела не мешали под ногами.

Одежду у змеелова забрали и выдали грязный потрёпанный хартон — наверняка снятый с умершего. Элон промолчал, видя, как ухмыляется рыжебородый, который нарочно задержался, чтобы сполна насладиться его унижением. В попытке хоть как-то отомстить за насмешки Элону он несколько раз глумливо заметил, что противнику пришлось надеть хартон на голое тело и лишиться кожаных штанов, ладно облегающих его узкие крепкие бёдра. Но даже в жалком руби-

ще змеелов не утратил ни широких плеч, ни мускулистого тела, ни стройных ног с рельефными икрами. И вместо чувства превосходства Булган ощутил досаду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.